

УДК: 24.147-128
DOI 10.53473/16946324_2023_3

Муратова Адина Абдираимовна
"Чет тил" кафедрасынын ага окутуучусу
ОИӨК "Кыргызстан Эл аралык Университети"
Муратова Адина Абдираимовна
Старший преподаватель кафедры «Иностранный язык»
УНПК «Международный университет Кыргызстана»
Muratova Adina Abdiraimovna
Senior teacher of "Foreign Language Department"
ERPC «International University of Kyrgyzstan»
email: adina-muratova@mail.ru

ДҮЙНӨНҮН ТИЛДИК КАРТИНАСЫНЫН КОНЦЕПТУАЛДЫК АНАЛИЗИ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Аннотациясы: Бул макала салттуу "концепция" жана "дүйнөнүн тилдик картинасы" деген терминдерди колдонуу менен заманбап лингвомаданий изилдөөлөрдүн нугунда аткарылган. Бул түшүнүк бир маданиятка таандык бардык адамдардын аң-сезиминде жашаган жана тилде чагылдырылган психикалык билим катары түшүнүлөт. Бул концептуалдык анализди дүйнөнүн тилдик сүрөтүн кайра жаратуунун бир жолу кылат.

Негизги сөздөр: тилге мүнөздүү түшүнүктөрдү талдоо, ар кандай идеялар, дүйнөнүн тил картинасын реконструкциялоо, абстракттуу семантика, маданияттар аралык перспектива.

Аннотация: Данная статья выполнена в русле современных лингвокультурологических исследований с использованием традиционных для них терминов - "концепт" и "языковая картина мира". При этом концепт понимается как ментальное образование, живущее в сознании всех людей, принадлежащих одной культуре, и находящее отражение в языке. Это делает концептуальный анализ одним из способов воссоздания языковой картины мира.

Ключевые слова: анализ лингвоспецифических концептов, различные идеи, реконструкция языковой картины мира, абстрактная семантика, межкультурная перспектива.

Abstract: This article is carried out in line with modern linguistic and cultural studies using traditional terms for them - "concept" and "linguistic picture of the world". At the same time, the concept is understood as a mental formation that lives in the minds of all people belonging to the same culture and is reflected in the language. This makes conceptual analysis one of the ways to recreate the linguistic picture of the world.

Keywords: analysis of linguistic-specific concepts, various ideas, reconstruction of the linguistic picture of the world, abstract semantics, intercultural perspective.

Языковая картина мира, исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, – с другой.

Современные представления о языковой картине мира в изложении акад. Апресяна выглядят следующим образом:

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.

Так, например, заповеди наивной этики реконструируются на основании сравнения пар слов, близких по смыслу, одно из которых нейтрально, а другое несет какую-либо оценку, например: хвалить и льстить, обещать и сулить, смотреть и подсматривать, свидетель и соглядатай, добиваться и домогаться, гордиться и кичиться, жаловаться и ябедничать и т. Анализ подобных пар позволяет составить представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные цели»; «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей»; «нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки». Характерной особенностью русской наивной этики является концептуальная конфигурация, заключенная в слове попрекать (попрек): «нехорошо, сделав человеку добро, потом ставить это ему в вину». Такие слова, как дерзить, грубить, хамить, прекословить, забываться, непочтительный, галантный и т.д, позволяют выявить также систему статусных правил поведения, предполагающих существование определенных иерархий (возрастную, социально-административную, светскую): так, сын может надерзить (нагрубить, нахамить) отцу, но не наоборот и т.п.

Итак, понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушность, совестно, обидно, неудобно), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы). В последние годы в отечественной семантике развивается направление, интегрирующее оба подхода; его целью

является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (работы Ю. Апресяна, Н. Арутюновой, А. Вежицкой, Анны А. Зализняк, И. Левонтиной, Е. Рахилиной, Е. Урысон, А. Шмелева, Е. Яковлевой и др.

Одним из распространенных приемов реконструкции языковой картины мира является анализ метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики, выявляющий «чувственно воспринимаемый», «конкретный» образ, сопоставляемый в наивной картине мира данному «абстрактному» понятию и обеспечивающий допустимость в языке определенного класса словосочетаний (будем условно называть их «метафорическими»). Так, например, из существования в русском языке сочетания его гложет тоска, тоска заела, тоска напала можно сделать вывод о том, что тоска в русской языковой картине мира предстает как некий хищный зверь. Этот прием впервые был независимо применен в книге Н. Арутюновой Предложение и его смысл (1976), в статье В. Успенского О вещных коннотациях абстрактных существительных (1979), а также в известной книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона Метафоры, которыми мы живем (1980, русский перевод 1987). В этой книге, в частности, была продемонстрирована основополагающая роль метафоры в обыденном языке: на основе анализа устойчивых словосочетаний английского языка был выявлен ряд метафор, «которыми мы живем» (т. уподоблений типа спор – война; любовь – путешествие; радость – верх, грусть – низ), которыми человек пользуется в повседневной речи, даже не замечая этого. В последние годы этот прием получил широкое распространение, оказавшись, в частности, одной из составляющих метода «концептуального анализа»

Выражения типа гложет тоска или раздавлен горем вводят в рассмотрение две ситуации (соответствующие тому, что в теории метафоры иногда называют source «источник» и target «цель»): одна, «невидимая», «абстрактная», представление о которой мы хотим передать (т. являющаяся нашей «целью»), и другая, «видимая», «конкретная», сходство с которой является «источником» информации, средством создания нужного представления.

Представить себе – значит «поставить перед собой», чтобы увидеть. Как, однако, мы можем увидеть то, что является невидимым, чего как раз представить себе и нельзя? Для этого и нужна метафора: чтобы представить себе то, что увидеть трудно или невозможно, мы представляем себе то, что увидеть легко, и говорим, что «то» похоже на «это». Однако редко бывает так, чтобы некоторый абстрактный объект во всех отношениях был подобен некоторому конкретному объекту. Гораздо чаще искомый невидимый предмет обладает несколькими свойствами, и при этом конкретного, «представимого» объекта с тем же набором свойств найти не удастся. В таком случае каждое свойство, будучи сущностью еще более абстрактной и невидимой, как бы «вырастает» в отдельный предмет, которым оно репрезентируется. Так, например, горе и отчаянье, с одной стороны, и размышления и воспоминания – с другой обладают некоторым свойством, которое репрезентируется образом водоема: первые два могут быть глубокими, а во вторые два человек погружается. Если попытаться описать это свойство, не используя метафору (что оказывается значительно труднее), то, по-видимому, оно состоит в том, что перечисленные внутренние состояния делают для человека недоступным контакт с внешним миром – как если бы он находился на дне водоема. Другое свойство перечисленных (а также многих других) внутренних состояний репрезентируется образом живого существа, обладающего властью над субъектом или подвергающего его насилию (ср. употребление глаголов поддаваться, отдаваться, предаваться <чему-то>, быть во власти <чего-то> и т. Размышления и воспоминания, кроме того, могут нахлынуть (образ волны) – здесь опять возникает водная стихия, но представляет она уже другое свойство: внезапность наступления этих состояний (плюс идея полной поглощенности – примерно та же, что в погрузиться).

Таким образом, каждое абстрактное имя вызывает к жизни представление не об одном конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них. Иначе говоря, анализ сочетаемости слова

абстрактной семантики позволяет выявить целый ряд различных и не сводимых воедино образов, сопоставленных ему в обыденном сознании. При этом попытка составить из разных метафорических словосочетаний единый образ подобна истории из известной индийской сказки, где несколько слепых, пытаясь составить представление о слоне, ощупывали каждый какую-то одну его часть (ноги, хобот и т.) и сравнивали ее с известными им предметами (колоннами, веревкой и т. Сам слон – невидимый для слепых, как для нас невидима, например, совесть, – состоит из присущих ему частей тела, которые вполне складно друг к другу присоединены; нескладным окажется существо, составленное из тех предметов, в виде которых представились слепым разные части его тела.

Так, представление о том, что совесть – это «маленький грызун», восстанавливаемое на основании сочетаний с глаголами грызть, кусать, царапать, вонзать зубы; угрызения совести (идея «маленький», по-видимому, возникает из-за того, что совесть в этих контекстах мыслится как находящаяся внутри человека), отражает свойство совести доставлять определенного рода неприятные ощущения. Какого именно рода – можно описать только через сравнение: как будто тебя кусает или царапает маленький зверек (ср. ниже о «телесной метафоре души»). Сочетания чистая/нечистая совесть, пятно на совести основаны на образе, представляющем другое свойство совести: направлять поступки человека в сторону от зла (репрезентируемого образом чего-то нечистого). Совесть у человека должна быть чистой – как воротнички или ногти. (В этом случае сами слова чистый и пятно развивают переносное значение, ср. слова запятнать, незапятнанный, употребляющиеся только в переносном значении.) Наконец, сочетаемость с глаголами говорить, велеть, увещевать, дремать, пробуждаться, выражения укоры совести, голос совести и др., основанные на уподоблении совести человеку, отражают еще одно свойство совести – ее способность управлять мыслями, чувствами и поступками. Возможно, у совести можно обнаружить еще какие-то свойства, которые репрезентируются другими объектами.

Рассмотрим еще один пример. Терпение предстает в русском языке в виде ряда разнородных предметов. В частности, имеются словосочетания, так или иначе включающие идею жидкости, – при этом все они на самом деле указывают на различные свойства. Так, выражение терпение иссякло говорит лишь о том, что терпение – это частный случай ресурсов, т. исходная связь с высохшим источником здесь вряд ли актуальна; в выражении имей хоть каплю терпения, очевидно, капля означает 'очень малое количество'. Что же касается последней капли, переполнившей чашу терпения, то оно заключает в себе некий парадокс, так как капля здесь не является «квантом» терпения, т. содержимого чаши (таким образом, непоследовательность в метафорическом представлении абстрактного объекта может присутствовать в пределах одного фразеологического оборота). Сочетание терпение лопнуло указывает на другое свойство терпения (внезапно кончаться, производя эффект, подобный взрыву), представляемое нашему воображению другим предметом – натянутой струной или надутым до предела воздушным шариком. Сочетание испытывать терпение мотивировано, по-видимому, идеей «испытывать на прочность» некоторое техническое сооружение (например, мост или шасси у автомобиля). Наконец, терпение – это ресурсы, которые необходимо иметь, чтобы делать определенные вещи (как деньги, продовольствие или стройматериалы) – соответственно, им надо запастись, его нужно иметь, оно может кончиться или его может не хватить, его можно потерять. Если дело идет очень медленно и его продвижение в большей степени зависит от обстоятельств, чем от собственных усилий, то терпение оказывается как бы оружием против уныния или отчаяния: вооружись терпением. Наконец, можно вывести кого-то из терпения, из чего следует, что терпение – это то пространство, в котором человек обычно находится. Метафоризируемое таким образом свойство связано с имеющейся в терпении идеей нормы – ср. другие сочетания, воспроизводящие идею «выхода за пределы»: выйти из себя, вывести из себя, выйти из строя и т. Все это – различные аспекты, свойства того невидимого предмета, который мы хотим представить – себе и другим. Каждое из них вырастает в свой зримый образ; какие-то из этих образов совместимы между собой, другие – нет.

Сама языковая картина мира - это общекультурное достояние нации, она четко структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Тем самым языковая картина мира активно участвует в формировании концептосферы любой культуры. Национальную языковую картину мира можно рассматривать как обобщение всех индивидуальных языковых картин мира членов этноса, живших на протяжении всей его истории.

Список использованной литературы:

1. Агиенко В.И. Структура концептов Правда, Истина в сопоставительном аспекте: Автореферат дис. канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2005. - 22 с.
2. Алейникова Т.В. Концептуальная и языковая картины мира: основные интерпретации и аспекты изучения // Язык. Время. Личность. Материалы Международной научной конференции. - Омск: ОмГУ, 2002. - С.3-7.
3. Алиева М.А. Фонетика и фонология. // Вестник МУК. - №2 (43) - 2021г. - с.31-34
4. Алиева М.А., Кельдибаева Н.Б. Концепт "семья" и фонетико-фонологические средства его реализации в русском и английском языках. // "Евразийское научное объединение". - №11 (80) - ноябрь 2021. - с.329-332.
5. Алиева М.А. Единицы фонетики и фонологии: история и анализ. // Вестник МУК. - №1 (42) – 2021г. - с.7-15
6. Алифференко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. - Академия, 2004. - 384 с.
7. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке: Сб. ст. / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: - Языки русской культуры, 2000. - С.35-41.
8. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М., 1990, - 78 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М.: Языки русской культуры, 1999. - I - XI. - 896 с.
10. Аскольдов - Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. - М.: Academia, 1997. - С.267-280.
11. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. - 104 с.
12. Бехтерев В.М. Психика и жизнь: избранные труды по психологии личности в двух томах. Т.1. - СПб., 1999, - С.65-68
13. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской философии. Тамбов. - Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2002, - 141 с.
14. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов: Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. Ред. И сост. М.А. Кронгауз. Вступ. ст. е.В. Падучевой. - М.: Русские словари, 1996, - 267 с.
16. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980, - 105 с.
17. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. - Индрик. М.: 2005, - 1040 с.
18. Воркачев С.Г. Концепт как "зонтиковый термин" // Язык, сознание, коммуникация. Вып.24. - М.: Филология, 2003. С.5-12.
19. Декарт Р. Страсти души. - М.: 1986. - С.481-572.